

Оглавление

Книга первая	
АНТИМ АРМАН-ДЮБУА	5
Книга вторая	
ЖЮЛЬЮС ДЕ БАРАЙУЛЬ	43
Книга третья	
АМЕДЕЙ ЛИЛИССУАР	101
Книга четвертая	
«ТЫСЯЧЕНОЖКА»	141
Книга пятая	
ЛАФКАДИО	209

Жаку Копо

Кювервиль, 19 августа 1913 г.

Я с радостью надписываю Ваше имя на первой странице этой книги. Она была Вашей всегда — во всяком случае, с того времени, как стала обретать форму. Припоминаете ли Вы день, когда Вам я рассказывал о ней? Это было в Кювервиле такого-то года; дул сильный ветер, и мы шли в Этрета смотреть на прилив. Ваш любезный интерес к моему рассказу сильно ободрял меня все время, пока я его писал.

Первый замысел этой книги возник еще раньше. Вы напомнили мне: я Вам о ней говорил на другой день после того, как Вы возвратились из путешествия в Данию.

Сколько же лет-то прошло?..

Я знаю: в наши времена поспешной работы и недоношенных родов трудно мне будет кого-либо убедить, что я мог столь долго вынашивать в голове книгу, пока не решился ею разродиться.

Почему эту книгу назвал я «потешной повестью»? Почему три предыдущих — «рассказами»? Чтоб показать, что они, собственно говоря, не «романы».

Впрочем, это не важно: пускай за романы их примут, лишь бы только потом не пеняли мне, что я нарушил «законы жанра», — не указывали, к примеру, на неясности и беспорядок.

Рассказы, повести... Мне кажется, до сей поры я писал книги лишь *иронические* (или критические, коли Вам так больше по нраву), и эта из них, очевидно, последняя.

Я стою на том, что недостаток произведений нашего времени — их скороспелое появление, поспешность художника, не успевающего их выносить. Но не дай Аполлон мне судиться с эпохой! Кто недоволен — пускай кривится. Я говорю все это лишь для того, чтоб предупредить тех, которым в «Подземельях» будет угодно видеть какое-то уклоненье, отречение от прежнего, кто станет чертить кривую моего пути, выявлять эволюцию...

Меня же заботят вопросы лишь ремесла, и я стремлюсь только быть хорошим мастеровым.

Книга первая

АНТИМ АРМАН-ДЮБУА

Что до меня, то я свой выбор сделал: я выступаю за социальный атеизм. Именно такой атеизм я полтора десятилетия развивал в ряде своих работ...

*Жорж Палант.
Философская хроника
«Меркюр де Франс».
Декабрь 1912 г.*

I

Лета 1890-го, при понтификате Льва XIII, слава доктора X., специалиста по лечению болезней ревматического происхождения, разнесшись, призвала в Рим Антима Армана-Дюбуа, франкмасона.

— Что же это? — восклицал Жюльюз де Барайуль, свояк его. — Вы затем отправляетесь в Рим, чтоб исцелить свое тело? Если бы только вы смогли там познать, кольми паче больна душа ваша!

На что отвечал Арман-Дюбуа со снисходительным состраданием:

— Бедный друг мой, посмотрите же на мои плечи.

Барайуль, человек благодушный, невольно переводил взгляд на плечи родственника; они подрагивали, будто вздымаясь от смеха утробного, неудержимого, и, верно, велика была жалость зреть, как

это пространное, полупараличное тело в таких глумливых движениях исходит остатками мускульных сил своих. Что ж! Каждый на своем они стояли прочно, и красноречие Барайуля ничего изменить не могло. Может, изменит время? Таинственное действие места святого? Не скрывая безмерного разочарованья, Жюльюс отвечал лишь одно:

— Антим, вы меня весьма огорчаете. (Плечи тотчас же прекращали пляску, ибо Антим свояка любил.) Если бы только через три года, когда я приеду к вам на торжества юбилея, — если бы только я мог обрести вас тогда в покаянии!

Вероника, нужно сказать, сопровождала супруга совсем с иными намереньями: она была столь же набожна, как и сестра ее Маргарита, как и Жюльюс, и долгое пребывание в Риме отвечало одному из самых ее сокровенных желаний; она обставляла мелкими привычками благочестия свою монотонную, разочарованную жизнь и, неплодна будучи, окружала свой идеал тем попечением, какого не требовалось от нее для детей. Увы! Она уже не имела надежды привести к Богу своего Антима. Она давно знала, сколь упрям может быть этот огромный мозг, как заперт в своем отрицании. Аббат Флонс ей так и говорил: «Нет непреклонней решений, сударыня, чем дурные решения. Теперь надейтесь только на чудо».

И даже огорчаться она уже перестала. С первых же дней, как супруги устроились в Риме, каждый из них сам для себя устроил свою одинокую жизнь: Вероника — в хозяйственных хлопотах и церков-

ных обрядах, Антим — в научных трудах. Жили рядом друг с другом и против друг друга, друг с другом мирясь, повернувшись друг к другу спиной. Этому благодаря воцарилось меж ними какого-то рода согласие, витало над ними какого-то рода полублаженство, и каждый из них, поддерживая другого, в том находил скромное применение собственной своей добродетели.

Как и в большинстве итальянских жилищ, в их квартире, нанятой через агентство, неожиданные удобства сочетались с приметными недостатками. Она занимала весь бельэтаж палаццо Форджетти на виа ин Лючина; в ней была очень хорошая терраса, где Вероника сразу решила разводить аспидистры, столь плохо растущие в парижских квартирах, — но, чтобы попасть на террасу, непременно было нужно пройти через оранжерею, которую Антим сразу сделал своей лабораторией. Договорились, что он разрешает проход с такого-то по такой-то час.

Вероника отворила бесшумно дверь и пробежала затем торопливо, глаза опустив долу, как молодой монах проходит мимо бесстыдных картинок на стенах, ибо ей было противно видеть, как в самом дальнем углу, возвышаясь над креслом с прислоненным к нему костылем, огромная спина Антима склонялась над неизвестно каким недобрым делом. Антим, со своей стороны, старался никак не подать вида, что слышит ее. Но как только она проходила назад, тяжело поднимался с сиденья, ковылял до двери и, полон злобы, губы поджав,

властным движением пальца толкал дверную задвижку — щелк!

Скоро затем наступало время, когда через дру- гую дверь Беппо — парнишка на побегушках — приходил спросить, какие будут распоряжения.

Уличного оборванца лет двенадцати или трина- дцати, без родителей и без крова, Антим приметил через несколько дней после приезда в Рим. Беппо сидел против гостиницы на виа Бокка ди Леоне, где супруги остановились на первое время, и пы- тался привлечь вниманье прохожих цикадой, жив- шей у него на пучке травы в коробочке из камыша. Антим дал парнишке за насекомое десять сольдо и, зная по-итальянски лишь пару слов, кое-как объ- яснил, что завтра переезжает в квартиру на виа ин Лючина и тогда ему понадобится несколько крыс. Все, что плавает, ползает, бегаёт и летает, служило ему материалом: он работал с плотью живой.

Прирожденный добытчик, Беппо достал бы ему и орла или волчицу Капитолийскую. Ему нра- вилась такая работа: он всегда любил что-нибудь стибрить. Платили ему десять сольдо в день; помо- гал он и по хозяйству. Вероника сначала смотрела на него косо, но, увидев раз, как мальчишка пере- крестился, проходя мимо Мадонны на северном углу их дома, она простила ему лохмотья и позво- лила носить в кухню воду, уголь, дрова, растопку; носил он даже корзинку, когда провожал Веронику на рынок по вторникам и по пятницам: в эти дни у горничной Каролины, приехавшей вместе с су-

пругами из Парижа, было слишком много хлопот в самом доме.

Вероника не нравилась Беппо, но в ученого мальчик прямо влюбился. Вскоре тот уже не спускался, мучась, во двор забрать доставленных жертв, а позволял парнишке самому являться в лабораторию. Туда проходили прямо с террасы, на которую со двора вела потайная лестница. Чуть сильнее начинало биться сердце Антима в его нерушимом уединенье, когда он слышал негромкий стук босых пяточек по камням. В окно Антим не глядел: от работы его не отрывало ничто.

В застекленную дверь мальчик не стучался, а скребся; Антим, не отвечая, продолжал сидеть, сгорбленный, за столом, и тогда Беппо ступал на четыре шажка и ясным голоском ронял «permesso?»*, наполнявшее всю комнату лазурью. По голосу приняли бы его за ангела, был же он подручным палача. Он клал на стол мешок — что за новую жертву в нем приносил он? Часто Антим, чересчур поглощенный работой, мешок открывал не сразу, а лишь мельком глядел на него; вздрагивал холст — там могла сидеть и крыса, и мышь; лягушка, воробышек — Молоху все было впрок. Иногда Беппо не приносил ничего и все равно приходил: он знал, что Арман-Дюбуа ждет его и с пустыми руками; и когда мальчик молча склонялся рядом с ученым над каким-нибудь жутким опытом — желал бы я быть уверен, что физиолог не наслаждался тщеславной

* Позвольте? (*ит.*)

радостью мнимого бога, видя, как вперяется взгляд ребенка то, с ужасом, в бедную живность, то, с восхищением, — в него самого!

Чтобы в дальнейшем напасть на самого человека, Антим Арман-Дюбуа пока что хотел лишь просто свести к «тропизмам» всю деятельность наблюдаемых им животных. Тропизмы! Не успели изобрести это слово, как никакого другого уже и не понимали; целый разряд психологов теперь признавал лишь «тропизмы». Тропизмы! Какой неожиданный свет воссиял из этих звуков! Было ясно, что организм уступает тому же влечению, что и подсолнечник, когда лишённое воли растение поворачивается лицом к солнцу (что легко сводится к простым законам физики и термодимии). Отныне мир сей получал утешительный дар успокоения. В самых неожиданных движениях существа стало возможным просто признать безусловное послушание движителю.

Чтобы достичь своей цели, чтобы от укрощённой живности добиться признания в простоте поведения, Антим Арман-Дюбуа изобрёл сложную систему коробочек с коридорами, лесенками, лабиринтами, отсеками, где в одних лежала еда, в других ничего или какой-нибудь чихательный порошок, с дверцами разного цвета и формы — дьявольский инструмент, вскоре прогремевший в Германии и под именем Vexierkasten* ставший на службу новой психофизиологической школе, сделавшей новый шаг на путях безбожия. А чтобы дей-

* Обманных шкатулок (нем.).

ствовать на то или иное чувство, тот или иной отдел мозга животного отдельно, он тех ослеплял, иных оглушал, кастрировал, декортикировал, обезмозгивал, лишал их того или иного органа, который вы сочли бы необходимым, но без которого тварь могла обойтись для Антимовых целей познания.

Его «Сообщение об условных рефлексах» перевернуло Упсальский университет; начались жесточайшие дискуссии, в которых принял участие весь цвет иностранной науки. Но в уме Антима уже взметались новые вопросы — и он, предоставив споры коллегам, повел изыскания на иных путях, надеясь выбить Бога из самых потаенных укреплений.

Ему не довольно было признать *grosso modo**, что всякая жизненная активность приводит к износу, что животное тратит силы уже одним применением мускулов. Всякий раз он спрашивал: сколько потрачено? А когда изнуренный предмет его опытов желал свои силы восстановить, Антим его не кормил, но взвешивал. Дополнительные условия чересчур усложнили бы эксперимент, а был он таков: шесть крыс, голодающих и связанных, подвергались ежедневному взвешиванию — две слепые, две кривые и две зрячие; зрению двух последних непрестанно мешала маленькая механическая мельничка. В каком отношении находилась потеря их веса после пяти дней голодовки? С торжеством добавлял Антим Арман-Дюбуа каждый день, ровно в полдень, новые цифры в заведенные для того специально таблички.

* В общих чертах (*лат.*).